

XII 70.

ДЕТСКИЙ МИРЪ

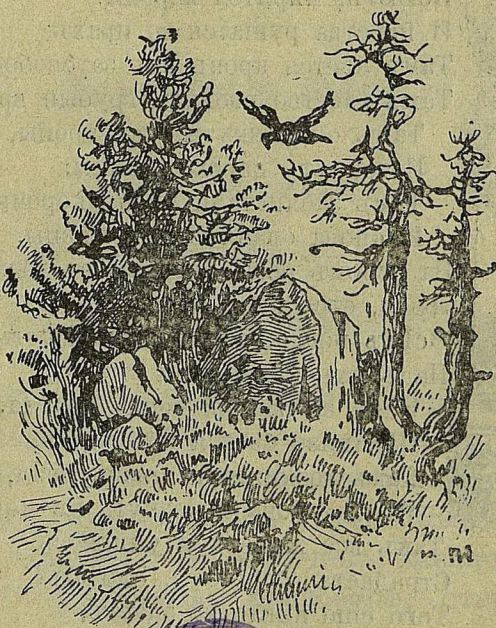
1910

15-го февраля 1910 г.

XVI 20.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

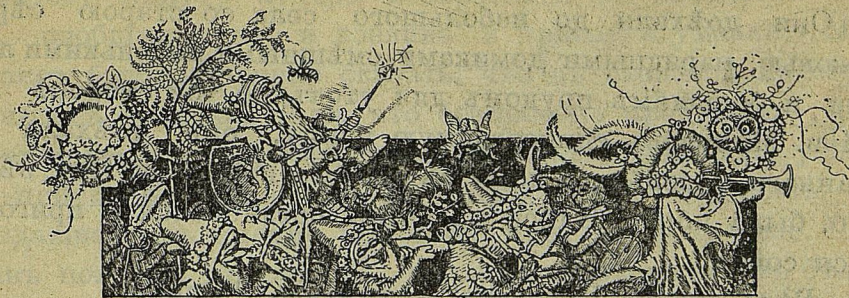

№ 3-й.

В ѣ к а.

Летятъ минуты торопливо;
Бѣгутъ часы; идутъ года;
За ними плавно, горделиво
Проходятъ медленно вѣка.
Воюютъ, мирятся народы,
И царства рушатся во прахъ;
Тамъ льется кровь изъ за свободы;
Тамъ рабство вводитъ грубый врагъ.
Тамъ опрокинуты ужъ троны,
И топчутъ царскіе вѣнцы;
Тамъ заблистали вновь короны,
И снова славятъ ихъ пѣвцы.
За родомъ родъ уходитъ въ вѣчность,
Любя, страдая и борясь.
Всѣхъ поглощаетъ безконечность,
Надъ ихъ надеждами смѣясь.
Какъ за волной волна другая.
Шумливо бьется объ утесъ,
Такъ возникаетъ жизнь иная,
Чтобъ вновь исчезнуть въ морѣ слезъ;
Такъ все живетъ и умираетъ,
Страдаетъ, борется... Зачѣмъ?
Того еще никто не знаетъ,
То не отгадано никѣмъ.
Одно лишь время неизмѣнно
Свой путь свершаетъ все впередъ,
Идя спокойно, равномерно,
Лишь наблюдая свой чередъ.
Бѣгутъ минуты торопливо;
Проходятъ холодно года;
За ними плавно, горделиво,
Безстрастно движутся вѣка.

Волшебныя бусы.

Загадка въ стихахъ..

(Продолженіе).

— Это вамъ нужно ѣхать въ Кресбери? — спросилъ онъ. —
Вотъ экипажъ.

Багажъ былъ поставленъ позади кучера, и обѣ дѣвочки сѣли въ маленькій экипажъ, въ то время какъ Максъ на велосипедѣ поѣхалъ сзади. Эвелина пробовалараза два предложить нѣсколько вопросовъ объ интересныхъ предметахъ, попадавшихся на дорогѣ; но мальчикъ, казалось, не могъ принять никакого участія въ разговорѣ, отвѣчалъ только „да“ или „нѣтъ“, и, наконецъ, дѣвочка занялась разсма- триваніемъ лѣса, изгороди и домиковъ, перекидываясь по- путно замѣчаніями съ Максомъ, который ѣхалъ нѣсколь- ко поодаль ввиду поднимавшейся за экипажемъ пыли. Пос- лѣ города настоящая деревня привлекала ихъ свѣжестью и яркой лѣтней окраской; дѣти были рады, что не отло- жили отъѣзда до пятницы и такимъ образомъ не потеряли- ритъ дорожныхъ дней.

Они доѣхали до небольшого села со старою сѣрою церковью, нарядными домиками, смѣшными маленькими лавками и большимъ прудомъ для утокъ по той сторонѣ лужайки. Миновавъ единственную улицу, они доѣхали до страннаго маленькаго дома въ самомъ концѣ ея. Это, вѣроятно, была почта. Здѣсь мальчикъ остановился и приготовился сойти.

— Вѣдь это не Кресбери?—замѣтила Эвелина.

— Нѣтъ, миссъ,—отвѣтилъ мальчикъ,—Кресбери въ полмили отсюда; но лэди сказала, что я долженъ сюда заѣхать за ключомъ.

Мальчикъ слѣзъ съ козелъ, затѣмъ какъ бы обдумавъ, прибавилъ:

— Домъ вѣдь пусть, такъ что ключъ оставили у м-съ Джонсъ.

Съ этими словами онъ исчезъ.

— Домъ пустой!—воскликнула Эвелина.—Что же это значитъ?

ГЛАВА II.

Записка тети Керри.

Эвелина не успѣла еще придти въ себя отъ словъ кучера, какъ Максъ, приблизясь къ экипажу, соскочилъ съ велосипеда.

— Что случилось?—спросилъ онъ при видѣ удивленнаго лица сестры.

— Мальчикъ пошелъ за ключомъ,—отвѣтила она,—и говорить, что въ домѣ никого нѣтъ.

— Можетъ быть, тетя Керри вышла,—замѣтилъ Максъ.

— Но вѣдь не могла же уйти и прислуга,—возразила Эвелина.—Тутъ какое-то недоразумѣніе.

Въ эту минуту кучеръ возвратился съ большими ключами, сообщивъ, что и хозяйка и прислуга уѣхали. М-съ Джонсъ было поручено сказать, что въ столовой на столѣ оставлена записка. Видя, что бесполезно продолжать расспрашивать кучера, дѣти рѣшили ждать, надѣясь узнать что-нибудь по приѣздѣ въ Кресбери. Максъ замѣтилъ, что ожидавшее ихъ письмо выяснить имъ, въ чемъ дѣло. Проѣхавъ полмили проселкомъ, шарабанъ повернулъ въ бѣлыя ворота, по короткой, извилистой аллеѣ, и остановился. Юные путешественники поняли, что доѣхали до мѣста назначенія.

— Что за прелесть!—невольно воскликнула Эвелина.

Домъ не выглядѣлъ очень большимъ. Фасадъ его закрывали вьющіяся растенія; на крышѣ возвышался смѣшной аленькій куполъ, съ флюгаркою въ видѣ пѣтуха; въ старинномъ подъѣздѣ были окошечки съ разноцвѣтными стеклами, а входъ охранялъ свирѣпый глиняный звѣрь.

Максъ, всунувъ ключъ въ замокъ и открывъ дверь, помогъ мальчику внести сундуки. Извозникъ, заявивъ, что ему уже заплачено, и очевидно торопясь домой къ обѣду, быстро вскочилъ на козлы и уѣхалъ.

Внутренность дома очаровала юныхъ посѣтителей не меньше внѣшняго его вида. Передняя: дубовые сундуки, стулья съ прямыми спинками, темныя старыя картины и низкія широкія двери по обѣимъ сторонамъ комнаты, важное чучело совы и голова лисицы,—все это сразу понравилось Эвелинѣ. Все было тихо, только старинные часы съ недѣльнымъ заводомъ нарушали тишину своимъ громкимъ тиканьемъ.

— Вотъ мы и приѣхали. Интересно знать, дѣйствительно ли никого нѣтъ дома? Не лучше ли позвонить?

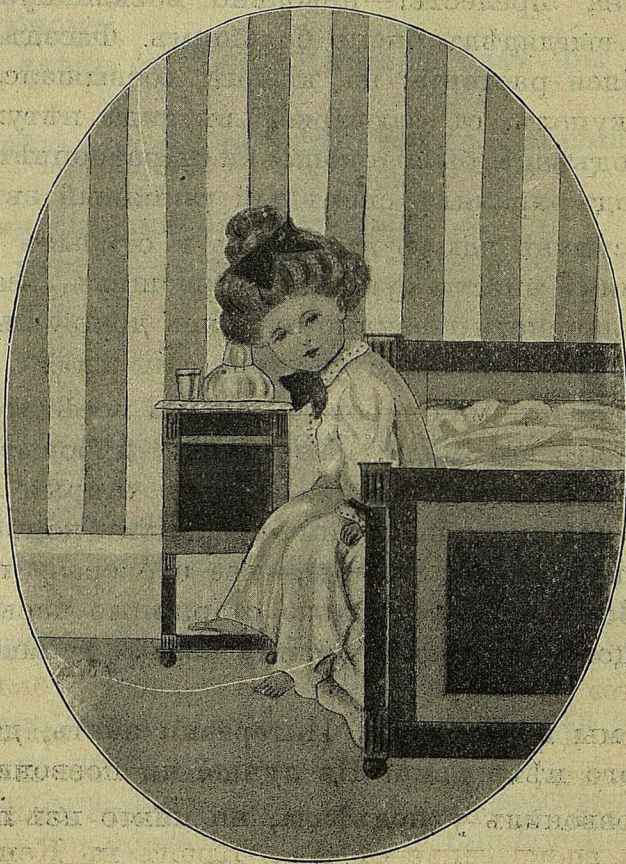
Максъ позвонилъ у подъѣзда, но никто изъ прислуги не явился.

Максъ прождалъ съ минуту и затѣмъ снова позвонилъ, но опять безуспѣшно.

— Нѣтъ-ли кого-нибудь въ саду за домомъ?—спросилъ онъ.— Не лучше ли мнѣ пойти и посмотреть?

Онъ исчезъ, и обѣ дѣвочки остались однѣ, оглядывая переднюю. Но вотъ снова слышались шаги Макса.

— Никого нѣтъ,— заявилъ онъ.— Я попробовалъ пройти съ чернаго хода, но дверь заперта.

— Не лучше ли немного подождать?—спросила Эвелина. —Тетя Керри знала о нашемъ прїѣздѣ и не могла далеко уѣхать. Или она, или кто-нибудь изъ прислуги, навѣрно, скоро вернется.

Минуть десять маленькая компанія безцѣльно ходила по передней, разсматривая картины и все, что тамъ было интереснаго: но Максъ скоро потерялъ терпѣнье.

— Не стоитъ намъ дольше ждать здѣсь, —сказалъ онъ. — По-моему, они всѣ уѣхали на цѣлый день. Но я долженъ сознаться, что это странный способъ принимать гостей.

— Этотъ мальчишка, кажется, очень глупъ,—замѣтила Эвелина.—Вдругъ онъ насъ не туда привезъ!

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Максъ,—это Кресбери. Я помню, какъ тетя Керри рассказывала намъ про эту лисицу: она была убита передъ домомъ, и охотникъ подарилъ дядѣ ея чучело. Кстати, извозчикъ что-то упоминалъ о запискѣ. Поищемъ ее. Интересно знать, гдѣ столовая.

Къ счастью, первая дверь, которую онъ открылъ, вела въ столовую. Это была славная старинная комната съ низкимъ потолкомъ, отдѣланная темнымъ дубомъ. Но все вниманіе дѣтей привлекла лежащая на столѣ записка. На запечатанномъ конвертѣ была надпись: „Гертрудѣ“

— Это почеркъ тети Керри,—сказала Эвелина. Конечно, она думала, что мама прїѣдетъ съ нами. Мнѣ кажется, слѣдуетъ посмотреть, что она пишетъ. Письмо оставлено незапечатаннымъ,—значить, въ немъ нѣтъ секретовъ.

— Читай вслухъ,—замѣтилъ Максъ.—Мы не можемъ рѣшить, что дѣлать, пока не узнаемъ, что она пишетъ.

— Моя дорогая Гертруда,—начала Эвелина,—спѣшу тебѣ сообщить, что мнѣ пришлось измѣнить свои планы. Я намѣревалась, какъ тебѣ извѣстно, уѣхать отсюда въ субботу, пробить воскресенье съ м-съ Крэнъ въ Кенсингтонѣ и за-

тѣмъ выѣхать въ понедѣльникъ на Континентъ. Сегодня утромъ я получила отъ нея письмо, въ которомъ она пишетъ, что если мы выѣдемъ завтра, то почти весь путь намъ удастся ѣхать съ ея братомъ. Такъ какъ всѣ мои вещи были уложены, я телеграфировала ей, что пріѣду въ Лондонъ сегодня. Я бы телеграфировала тебѣ, но думаю, что ты выѣхала раньше, чѣмъ можешь получить мое извѣщеніе. Я оставила тебѣ списокъ припасовъ, которые ты просила меня достать; прошу пользоваться ими, не стѣсняясь.

Елена уѣзжаетъ съ тѣмъ же поѣздомъ, иначе ей бы не удалось свести ящикъ на станцію. Анна уѣхала вчера домой. Постели провѣтрены, и я думаю, что вы все найдете въ порядкѣ. Маленькій ящикъ съ бусами, которыя дѣти хотѣли видѣть, лежитъ на столѣ въ гостиной.

Привѣтъ всѣмъ вамъ. Надѣюсь, что вы пріятно проведете время.

Остаюсь любящая тебя.

Керри.

Р. С. Передай дѣтямъ, чтобы они держали дверь въ садъ запертой,—я говорю про дверь, ведущую на дорогу.

Дойдя до конца письма, Эвелина взглянула на послѣднюю страницу.

— Это не стоитъ читать,—сказала она.—Тутъ говорится про то, что въ кладовой, и когда приходятъ мясникъ и булочникъ.

— Значить, тетя Керри дѣйствительно уѣхала и не вернется?—спросила огорченная Христина.

— Похоже на то,—отвѣтила Эвелина, никогда не терявшая присутствія духа.—Я понимаю, какъ это случилось. Тетя думала, что мама и Агнеса навѣрно пріѣдутъ, и уѣхала со своею прислугою. Конечно, она не могла и предполагать, что мы пріѣдемъ одни. Мама сама не знала этого до сегодняшняго дня.

— Вотъ такъ штука!—воскликнула Максъ.—Весь домъ на нашихъ рукахъ.

— Что намъ дѣлать?—спросила Христина.

— Что дѣлать!—отвѣтилъ ей братъ.—Я не знаю. Разумѣется, мы не можемъ вернуть тетю Керри. Не съѣздить ли мнѣ въ село и послать домой телеграмму? Въ почтовомъ отдѣленіи есть телеграфъ съ вокзала, я видѣлъ вдоль дороги телеграфные столбы.

— Мама не можетъ пріѣхать изъ-за м-съ Гарднеръ,— сказала задумчиво Эвелина.— Но она можетъ прислать Агнесу. Я знаю, что есть вечерній поѣздъ, отходящій около пяти.

— Тогда мнѣ нѣтъ надобности отправляться сейчасъ,— сказалъ Максъ.— Я голоденъ, и нужно найти что-нибудь поѣсть.

Поспѣшный осмотръ стараго дома еще болѣе усилилъ интересъ дѣтей.

Вокругъ гостиной также шла деревянная панель; но дерево было выкрашено въ бѣлый цвѣтъ съ голубыми крапинками. Тутъ-же находилась бібліотека съ высокими полками, закрывавшими часть стѣны, и французское окно, выходящее въ садъ. Спальни имѣли тотъ-же отпечатокъ старины, и хотя знаменитый часовой механизмъ для раздѣрживанія полога уже исчезъ, все-таки тамъ было еще много любопытныхъ остатковъ прошлаго времени.

— Я рада, что мы не ждали до пятницы,— сказала Эвелина.— Мнѣ кажется, что, и трехъ недѣль недостаточно, чтобы вполне ознакомиться съ мѣстомъ.

Кухня соотвѣтствовала остальной обстановкѣ дома: подоконникъ, низкія черныя балки потолка, старинные часы съ изображеніемъ выходящей изъ тучъ луны, мѣдные подсвѣчники и смѣшныя глиняныя фигурки на каминной полкѣ,—все это было осмотрено, пока Максъ, наконецъ, не заявилъ, что компаніи пора поискать чего-нибудь поѣсть.

Трофеями экспедиціи, направленной въ близлежащую кладовую, были холодная говядина, хлѣбъ, масло и банка съ цикулями.

— Давайте сюда,—воскликнула Эвелина, вынувъ скатерть изъ посуднаго шкафа и разстеливъ ее на бѣлоснѣжный столъ.

— Христина, поищи ножей и вилокъ.

Въ это время Максъ исчезъ черезъ черный ходъ и вернулся съ охапкой сучьевъ.

— Разведемъ огонь,—предложилъ онъ,—и вскипятимъ воду. Въ шкафу есть жестянка съ какао.

Наконецъ все было готово, и дѣти сѣли за столъ въ поднятомъ настроеніи духа. Максъ дѣятельно рѣзалъ, хотя не совсѣмъ согласно правиламъ искусства. Поѣздка и волненіе, казалось, возбуждали въ дѣтяхъ хорошій аппетитъ. Дѣвочки усѣлись на окнѣ, а Максъ, придвинувъ стулъ, помѣстился за столомъ.

— Мнѣ бы хотѣлось знать, что бы сказала мама, если бы теперь увидѣла насъ!—засмѣялась Эвелина.

— А что бы подумала тетя Керри!—подтвердилъ Максъ.—Слушай, Христина, ты не положила вилки къ пикулямъ.

— Вотъ здѣсь есть лишняя чайная ложка,—сказала Христина.—Возьми ее.

— Вотъ весело-то! У насъ будетъ собственный домъ!—сказала Эвелина.—Я не собираюсь жить здѣсь всегда, но пріятно имѣть въ нашемъ распоряженіи домъ на цѣлую недѣлю. Какъ-то мы справимся?

— Вотъ чудная мысль!—воскликнулъ вдругъ Максъ.—Отчего бы намъ не пробыть здѣсь до пятницы? Это было бы весело, и вѣдь только два дня—завтра и четвергъ.

— Неужели, Максъ, ты думаешь, что мы могли бы...

— Возбужденно воскликнула Эвелина.

— Почему же нѣтъ? Въ домѣ много провизіи. Я видѣлъ въ кладовой цѣлый окорокъ, который тетя Керри общала достать для насъ. Затѣмъ молочникъ и булочникъ заходятъ каждый день. Мы можемъ покупать у нихъ; а они пусть думаютъ, что прислуга наверху. Никто не долженъ знать, что мы одни.

— Ты думаешь, это хорошо?—начала Эвелина, и прибавила, подумавъ:—это будетъ забавно!

— Конечно, хорошо,—подтвердилъ Максъ.—Мы имѣемъ полное право остаться въ домѣ и пользоваться съѣстными

припасами. Унасъ не хватитъ денегъ, чтобы вернуться домой. Мама ждетъ м-съ Гарднеръ, и если бы мы телеграфировали, то она только могла бы прислать Агнесу.

— Не надо телеграфировагъ!—воскликнула Христина.— Останемся здѣсь. Это будетъ вродѣ игры „въ домъ“, но только въ настоящій домъ, съ настоящими тарелками, блюдами, и все будетъ настоящее.

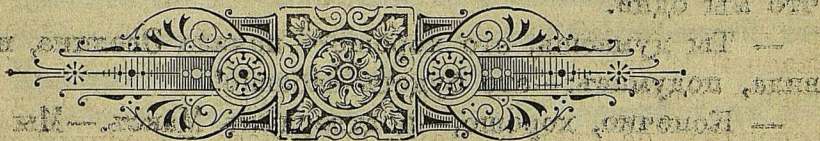
— Но кто-нибудь можетъ пріѣхать,—вставила Эвелина.— Никто не пріѣдетъ сюда,—возразилъ Максъ.— Всѣ знаютъ, что тетя Керри уѣхала, и никому нѣтъ дѣла до незнакомыхъ людей. Для мамы и Агнесы это будетъ сюрпризъ, что мы здѣсь справлялись одни.

— Я могу стирать и стлать постели,—сказала Эвелина,— и думаю, что могу готовить что-нибудь легкое, напр. картофель.

— Это не такъ необходимо,—отвѣтилъ мальчикъ.— Вѣдь до пятницы не долго. Вотъ весело-то! Пошлемъ домой открытое письмо: „Доѣхали благополучно! Путешествіе было пріятно“.

Максъ, вскочивъ со стула, исполнилъ воинственный танецъ. Три дня пользоваться домомъ, дѣлать въ немъ все, что угодно—было для нихъ болѣе чѣмъ пріятно. Очень возможно, что еслибъ они предвидѣли все, что случится въ это короткое время, Максъ вмѣсто открытаго письма послалъ бы телеграмму.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Земля до человѣка.

Много миллионовъ лѣтъ тому назадъ земля наша, такъ же какъ и теперь, носилась уже въ мировомъ пространствѣ, неуклонно совершая свой урочный путь вокругъ солнца и вращаясь вокругъ своей оси; но внѣшній видъ ея въ тѣ отдаленныя времена былъ—иной!

Тогда она была еще раскаленнымъ, сверкающимъ шаромъ, который издали показался бы человѣческому глазу такимъ же ослѣпительнымъ небеснымъ свѣтиломъ, какимъ и до сихъ поръ видимъ мы наше солнце.

Жаръ, господствовавшій тогда на землѣ, былъ такъ великъ, что всѣ вещества, составляющія ее,—не исключая даже и такихъ твердыхъ металловъ, каковы, напримѣръ, мѣдь и желѣзо,—находились въ состояніи раскаленныхъ газовъ. Въ этомъ газообразномъ шарѣ, который въ нѣсколько сотъ разъ превосходилъ тогда своими размѣрами будущую землю, бушевали страшные вихри и ураганы; а порою изъ него вырывались могучіе фонтаны пламени, которые на много тысячъ верстъ подымались отъ его поверхности въ небесныя пространства и, рассыпавшись тамъ огненнымъ дождемъ, падали обратно. Картины эти были, въ одно и то же время, и прекрасны, и величественны, и ужасны! И врядъ ли человѣческая фантазія могла бы представить себѣ что-либо подобное, если бы, благодаря телескопамъ, не удалось намъ наблюдать на солнцѣ и теперь еще то, что нѣкогда происходило на нашей землѣ.

Таковъ былъ первый періодъ ея существованія.

Однако, время шло, а вмѣстѣ съ нимъ шло и охлажденіе нашей будущей планеты. Мало-по-малу огромный газовый шаръ сжимался, различныя составныя части земли начали переходить изъ газообразнаго состоянія въ состояніе огненно-жидкой массы, и, наконецъ, настало время, когда земля вступила во второй періодъ своего развитія, — ставъ жидкимъ шаромъ, вся поверхность котораго представляла безбрежное огненное море, гдѣ вмѣсто воды бушевали огненные массы расплавленныхъ металловъ и камней.

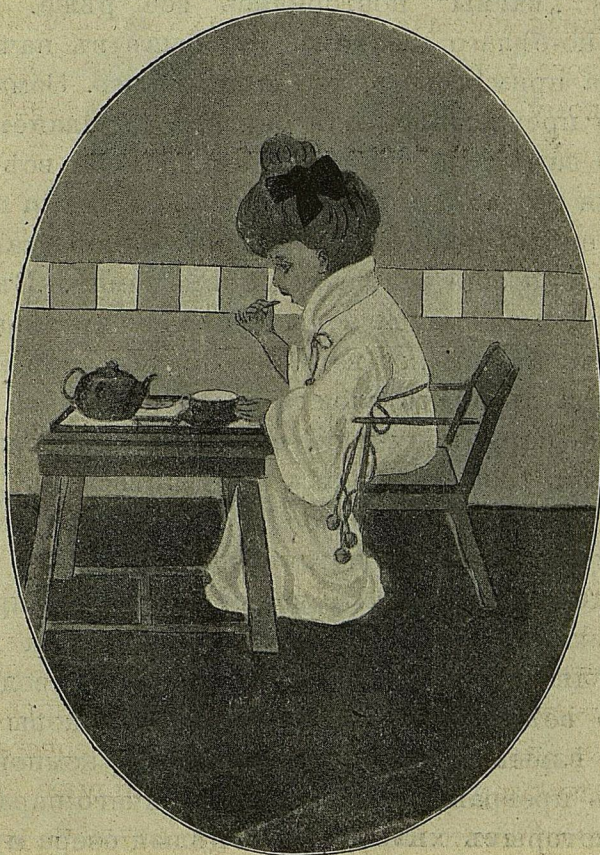
Нѣтъ такого корабля, который могъ бы безнаказанно плыть по такому морю! Въ распоряженіи человѣка нѣтъ такого жара, который могъ бы превратить желѣзо въ жидкое состояніе; но если бы мы могли бросить кусокъ этого металла въ это ужасное море, то онъ расплавился бы въ немъ такъ же легко и быстро, какъ кусочекъ масла, брошенный въ кипящую воду. Надъ этимъ моремъ не было нашего воздуха, и атмосферу земли составляли тогда различныя горячіе газы. Въ этой атмосферѣ бушевали ураганы, можетъ быть, неизмѣримо сильнѣе нашихъ, и могучіе порывы ихъ вздымали тяжелыя огненные волны расплавленнаго камня, срывая съ ихъ верхушекъ цѣлыя каскады сверкающихъ брызгъ.

Но охлажденіе продолжалось. На поверхности этого необычайнаго океана кое-гдѣ начали появляться, хотя все еще раскаленные, но уже твердые острова. Постепенно число ихъ увеличивалось; сами они разрастались, соединялись другъ съ другомъ, пока, наконецъ, совершенно не покрыли свою твердую корою огненно-жидкую землю.

Съ этого времени настала третья ступень развитія нашей планеты.

Долго еще земная кора продолжала быть раскаленною

и свѣтящейся, хотя и не такимъ уже яркимъ свѣтомъ, какъ прежде. Порою она вдувалась мѣстами, образовывая гигантскія горы; часто лопалась и давала трещины огромныхъ размѣровъ, черезъ которыя снова прорывалась наружу скрывшаяся подъ нею огненно-жидкая масса, названная учеными—„магмой“. Эта магма долго оставалась на поверхности въ видѣ прежнихъ морей расплавленнаго камня; но, конечно, ее ждала все та же участь: она должна была

остынуть, затвердѣть и новыми пластами еще болѣе увеличить все возрастающую мощностъ земной коры.

Такой періодъ своего существованія переживаетъ настоящее время одна изъ планетъ нашей солнечной системы, называемая Юпитеромъ; и, наблюдая ее въ телескопъ, можно до нѣкоторой степени представить себѣ, — чѣмъ нѣкогда была и наша земля.

Раскаленная земная кора неуклонно продолжала остывать. Вѣдуванія ея становились все меньше, а разрывы и выступаніе „магмы“ повторялись все рѣже. Свѣтъ, изъ ослѣпительно-бѣлаго, какимъ онъ былъ въ началѣ, сталъ теперь едва примѣтнымъ, темно-краснымъ. Земля угасала, постепенно превращаясь изъ свѣтила въ планету.

Нужно замѣтить, что до этого времени всѣ воды земли, которыя въ наши дни громадными океанами покрываютъ двѣ трети ея поверхности, тогда ни одной каплей своей не прикасались еще къ раскаленной землѣ. Въ то время вся эта громадная масса воды носилась въ видѣ безцвѣтныхъ паровъ въ самыхъ верхнихъ слояхъ земной атмосферы. Но когда въ этихъ слояхъ стало настолько прохладно, что водяные пары получили, наконецъ, возможность превратиться изъ газа въ туманъ и скопиться въ облака, то тогда произошло нѣчто, чего до сихъ поръ еще не бывало, — на землю хлынули потоки дождя!

Если ничтожная ложка воды, нечаянно пролитая на горячую кухонную плиту, страшно шипитъ и наполняетъ комнату цѣлымъ облакомъ густого пара, приводя въ замѣшательство всѣхъ присутствующихъ, то каковы же должны были быть взрывы, когда раскаленный земной шаръ въ одинъ мигъ превращалъ въ клубы горячаго пара такія массы воды, которыхъ хватило бы на цѣлыя озера и даже моря?!

Только съ большимъ трудомъ можно представить себѣ картину этой страшной борьбы двухъ могущественныхъ

стихій—огня и воды. Небо облегалo слабо-свѣтящуюся землю своими мощными клубящимися тучами, низвергая на нее страшные ливни. Съ ужасающимъ шипѣніемъ и свистомъ земля испаряла и отбрасывала отъ себя эти воды и, будто угрожая клубистымъ тучамъ, грохотала своими вулканами, которые метали въ облака раскаленные, сверкающіе камни

и цѣлые каскады пламени, наполняли атмосферу удушливыми газами и заливали землю потоками горячей, огненной лавы. Но охлаждавшіеся вверху пары лились на землю все новыми и новыми потоками дождей! Такъ продолжалась эта страшная борьба до тѣхъ поръ, пока побѣда окончательно не осталась за водою и земля, или, вѣрнѣе сказать, ея кора перестала быть раскаленной. Съ этого времени побѣжденная земля навсегда лишилась своего самостоятельного свѣта,—она погасла, и въ небесномъ пространствѣ стало однимъ „свѣтиломъ“ меньше и одной „планетой“—больше.

Съ этого же времени для нашей земли начинается и новая жизнь,—жизнь планеты, т. е. та, которою живетъ она и до сихъ поръ.

Первымъ шагомъ въ этой новой жизни нашей планеты было то, что воды, завоевавъ, наконецъ, землю, разлились по впадинамъ ея поверхности, и такимъ образомъ у насъ возникли первобытныя моря и материки. Границы и очертанія ихъ, вѣроятно, навсегда останутся для насъ невѣдомыми; но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что распредѣленіе суши и морей того времени ни единой чертой не напомнило бы намъ ни одной изъ фигуръ нашихъ современныхъ географическихъ картъ.

Впрочемъ, картина природы того времени отличалась отъ нашей—не одними только очертаніями береговъ; и если бы человѣкъ взглянулъ тогда на свое будущее жилище, то, конечно, пришелъ бы въ ужасъ отъ его дикаго и безотраднаго вида.

Всѣ материки и острова того времени были ни чѣмъ инымъ, какъ громадными глыбами безжизненнаго камня! Мѣстами тянулись необозримыя равнины сплошного гра-

нита, кое-гдѣ пересѣченныя гигантскими трещинами. То здѣсь, то тамъ среди этихъ равнинъ тянулись цѣпи каменныхъ горъ, которыя высоко къ небу громоздили свои голыя скалы. Часто среди такихъ горъ грохотали вулканы, извергая изъ глубины потоки огненно-жидкой „магмы“ и грозно сотрясая земную кору. Ни одной былинки не нашли бы мы на всей сушѣ того времени, и никакая жизнь не шевельнулась еще въ нѣмыхъ нѣдрахъ мертвыхъ океановъ. Эту землю окутывала удушливая атмосфера, въ которой погибло бы все, что такъ привольно живетъ теперь среди нашей природы. Воистину, то время было царствомъ камня и воды!

Таковъ былъ первый періодъ развитія нашей „планеты“, который въ наукѣ называется „архейскимъ“, т. е.—древнѣйшимъ.

Какой же путь должна была совершить земля, для того чтобы, изъ столь чуждой намъ, превратиться въ ту, которую теперь мы такъ любимъ и считаемъ родной?

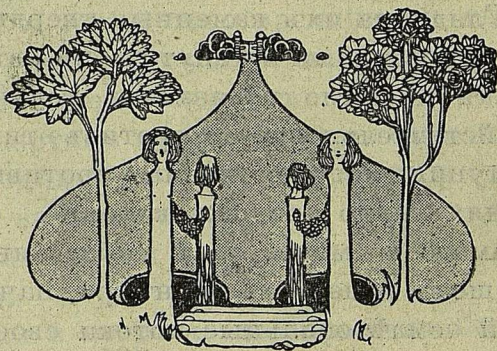
Рѣшенію этого вопроса посвящена въ наше время особая наука, называемая „геологіей“,—и вотъ что удалось ей разгадать изъ минувшей судьбы нашей планеты.

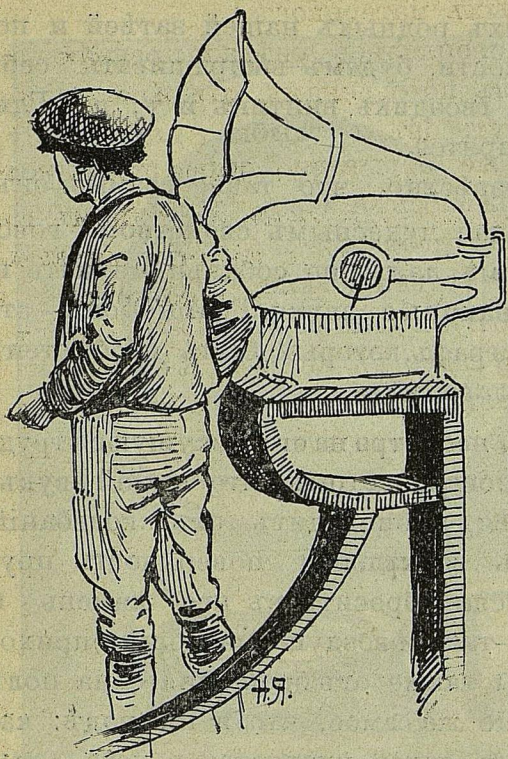
Несокрушимыми кажутся намъ первозданные материки и острова. Глядя на ихъ каменные твердыни, невольно подумалось-бы, что такими останутся они вѣчно. Но все это было не такъ и могло показаться только на первый взглядъ. Въ дѣйствительности же противъ этихъ каменныхъ великановъ выступили могущественные противники,—и сильнѣйшимъ изъ нихъ надо признать, конечно, солнце, которое, съ того самаго времени, какъ собственный жаръ нашей планеты ушелъ далеко въ ея нѣдра, начало неустанно посылать нашей землѣ обильные потоки своего могущественнаго тепла. Это породило у насъ дожди и вѣтры, кото-

рые и принялись медленно, но постоянно разрушать каменные твердыни первобытныхъ материковъ.

На вершинахъ горъ скоплялись снѣга и превращались въ ледъ, который сползалъ по склонамъ, отрывая и унося съ собою внизъ обломки утесовъ и глыбы камня. Бури и дождевые потоки также отрывали отъ поверхности земли все, что только держалось за нее недостаточно прочно. Многочисленные ручьи, проносясь по сушѣ, увлекали въ своихъ водахъ все, что только можно было смыть съ каменного лона земли. По пути они раздробляли свой каменный грузъ въ щебень и даже въ песокъ. Когда воды такихъ потоковъ достигали, наконецъ, широкихъ равнинъ или спокойнаго моря, то здѣсь все, что принесли онѣ съ собою, осѣдало ровнымъ слоемъ, заполняя всѣ неровности и впадины. Если какая-нибудь порода камня оказывалась уничтоженной и смытой, то силы природы принимались за разрушеніе слѣдующей. Тогда и составъ осадка въ морѣ или долинѣ мѣнялся, и на первый слой его ложился второй—иногда отличавшійся отъ прежняго очень рѣзко.

Продолженіе будетъ.

Между дѣломъ.

Граммoфонъ изъ
дерева и бумаги.

очень извиняюсь передъ
читателями за то, что на-

вязалъ имъ прошлый разъ трудъ постройки летательнаго снаряда, не справившись даже, интересуется ли ихъ область воздухоплавания. Безъ сомнѣнiя, среди читателей найдутся любители этого спорта, и, можетъ быть, не одинъ и не два, а цѣлая сотня. Однако, надо быть справедливымъ и подумать объ остальныхъ. Вотъ почему я, вмѣсто обѣщаннаго аэроплана, и хочу въ этомъ номерѣ заняться сооруженiемъ граммофона. Думаю, что эта затѣя придется по душѣ нелетающей публикѣ, а, можетъ быть, привлечетъ даже и тѣхъ, кто успѣлъ смастерить себѣ летательную стрекозу.

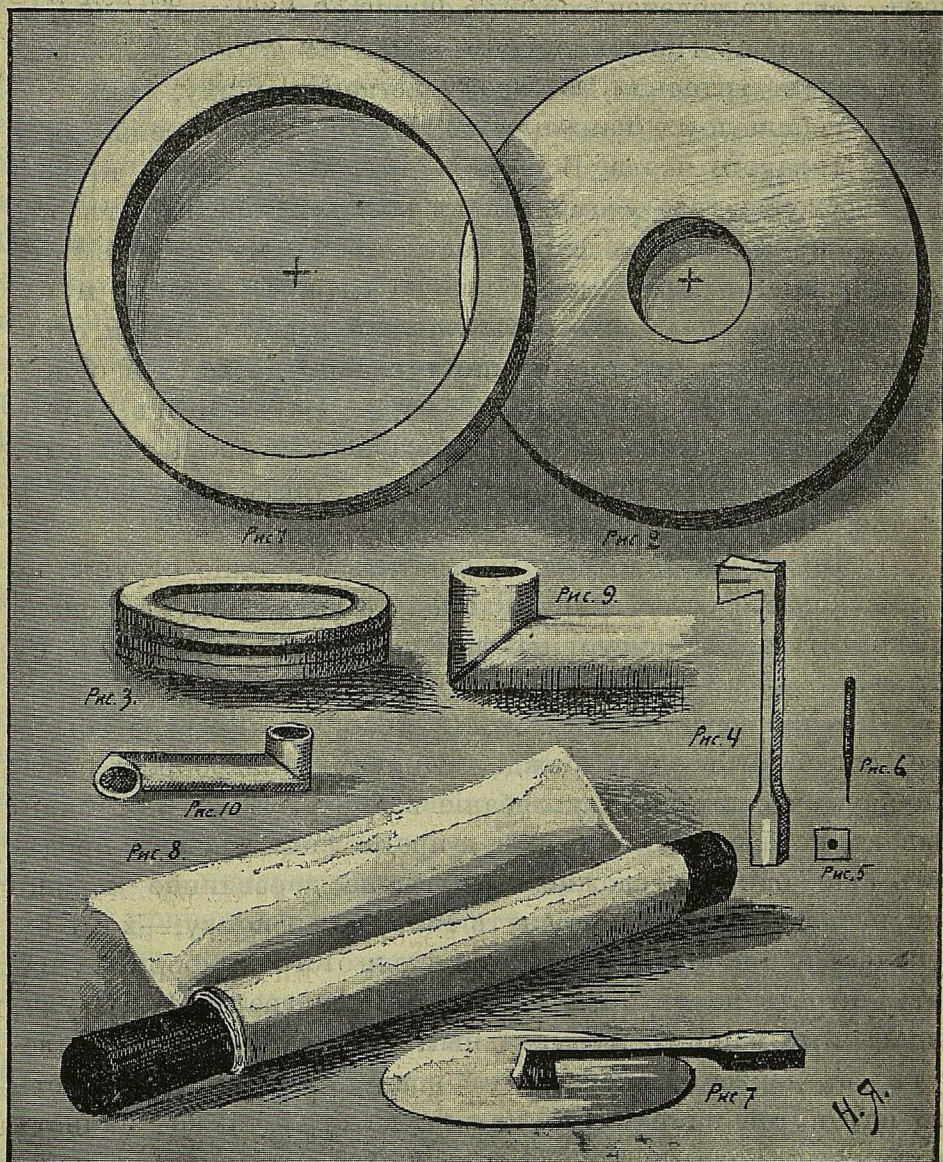
Граммoфонъ мы будемъ дѣлать изъ дерева и бумаги, точно такъ же, какъ одинъ солдатъ варилъ щи изъ топора, помните?. Получивъ небольшую дощечку и листа два-три

бумаги, мы увлечемъ своихъ родныхъ нашей затѣей и потомъ уже, по мѣрѣ надобности, будемъ выпрашивать себѣ кусочекъ тряпочки, ваты, гвоздикъ, винтикъ и т. д. Глядишь, щи изъ топора и сварятся.

Я думаю, что всѣмъ извѣстно, что такое граммофонъ?

Это машина, обладающая чудеснымъ свойствомъ говорить человѣческимъ голосомъ, лаять по собачьи, мяукать и, вообще, воспроизводить различные звуки. Граммофонъ — это усовершенствованный фонографъ, который былъ изобрѣтенъ Эдисономъ въ концѣ прошлаго вѣка.

Устройство граммофона, несмотря на его кажущуюся трудность, очень просто. Оно основано на томъ, что всякій звукъ, откуда бы онъ не появлялся, происходитъ отъ колебаній воздушныхъ волнъ. Какъ зеркальная поверхность пружда или рѣки волнуется, если бросить въ нее камень и тѣмъ нарушить ея покой, — такъ и воздушныя волны приходятъ въ колебаніе, хотя бы также отъ брошеннаго на полъ камня. Тутъ происходитъ то же самое, что и на водѣ: камень, брошенный на полъ, съ силой ударяется о него, вызываетъ сотрясеніе пола, вмѣстѣ съ нимъ и окружающаго воздуха, отчего и происходитъ звукъ. Мнѣ кажется, читателямъ приходилось наблюдать разницу въ звукѣ, происходящемъ отъ паденія одного и того же камня на различные поверхности. Бросьте камень на деревянный полъ — звукъ громкій, а бросьте его на землю — и почти ничего не услышите; попробуйте бросить его на желѣзную крышу дома — и сами не будете рады, что бросили: онъ надѣляетъ такого шума и грохота, что перепугаетъ всѣхъ живущихъ въ домѣ. Какъ видите, одинъ и тотъ же камень, при паденіи на различныя поверхности, вызываетъ и различные звуки. Это доказываетъ намъ, что звукъ происходитъ отъ колебанія воздуха. Дѣйствительно, листъ желѣза, изъ котораго сдѣлана крыша,

болѣе тонокъ, чѣмъ доска пола. Поэтому при ударѣ камнемъ онъ колеблется гораздо сильнѣе и вызываетъ болѣе сильные звуки. Поверхность же земли слишкомъ неподвижна и нечувствительна къ такому легкому толчку, какъ паденіе небольшого камня, и потому оно не производитъ почти никакого звука. Возьмемъ другой примѣръ: тоненькая веревочка, туго натянутая въ воздухѣ, не издаетъ никакого звука, пока легкимъ толчкомъ мы не приведемъ ее въ движеніе; то же самое и струна гитары, скрипки и пр. Щелкнувъ же пальцемъ по натянутой веревочкѣ или струнѣ, мы увидимъ, что она начнетъ сильно дрожать, и одновременно съ этимъ мы услышимъ звукъ. Звукъ этотъ будетъ становиться все тише и тише, пока не исчезнетъ совсѣмъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и дрожаніе струны будетъ все слабѣе и слабѣе.

Если же мы захотимъ прекратить звучаніе струны, не дожидаясь его естественнаго конца, то намъ слѣдуетъ только прекратить дрожаніе струны—и звукъ исчезнетъ вмѣстѣ съ этимъ.

Изъ приведенныхъ опытовъ ясно, что всякое быстрое колебаніе воздуха рождаетъ звукъ. И наоборотъ, всякій звукъ производитъ колебаніе воздуха. Если послѣдній выводъ не ясенъ читателямъ, я предложилъ бы имъ продѣлать еще одинъ несложный опытъ: на деревянное кольцо или небольшую рамку натянуть тонкую перепонку,—хотя бы кусочекъ папиросной бумаги,—и около этого приборчика начать играть на скрипкѣ или просто на гребенкѣ. Звуки, издаваемые вашимъ музыкальнымъ инструментомъ, приведутъ въ движеніе окружающій воздухъ, а онъ передастъ его натянутой на рамку бумажкѣ, которая также начнетъ колебаться. Если до начала музыки вы насыпите на натянутую бумажку немного мелкаго песку, то во время игры

всѣ присутствующіе увидятъ, какъ песчинки пляшутъ подъ вашу музыку. Попробуйте и останетесь довольны.

Вотъ это-то свойство тонкой перепонки колебаться при различныхъ звукахъ и дало Эдисону мысль построить говорящую машину. Взявъ кольцо съ тонкой перепонкой, онъ прикрѣпилъ къ серединѣ ея острую иглу, приставилъ ее къ мягкому восковому валику и сталъ говорить около кольца. Отъ звуковъ его голоса, тонкая перепонка кольца приходила въ колебаніе; игла, прикрѣпленная къ ней, также дрожала и царапала на воскѣ углубленную линію. Такъ какъ валикъ во все время разговора вертѣлся, то игла оставляла на немъ длинный спиральный слѣдъ самыхъ разнообразныхъ углубленій. Когда же, окончивъ разговоръ, Эдисонъ приложилъ свое кольцо съ иглой къ началу валика и сталъ снова его вращать, то игла сказала по прежнимъ углубленіямъ и вызвала точно такое же дрожаніе перепонки, которое раньше дѣлало всѣ эти углубленія. И дрожаніе перепонки рождало звуки, изъ которыхъ состояла рѣчь Эдисона.

Впослѣдствіи фонографъ Эдисона подвергался различнымъ усовершенствованіямъ и измѣненіямъ, а въ настоящее время почти вышелъ изъ употребленія и замѣненъ такъ наз. граммофономъ, устройствомъ котораго я предлагаю читателямъ заняться въ промежутокъ времени между этимъ и слѣдующими номерами журнала.

Изъ приведеннаго описанія говорящей машины видно, что главную часть ея составляетъ *мембрана*, т. е. кольцо съ иглой, — поэтому и работу мы начнемъ съ нея.

Обыкновеннымъ лобзикомъ изъ тонкой дощечки выпишемъ два кольца (рис. 1) и одинъ кружокъ съ отверстіемъ (рис. 2). Точно такія два кольца (рис. 1) нужно еще вырѣзать изъ тонкой фланельки, и такой же кружокъ (рис. 2), только безъ отверстія, — изъ пластинки *слоды*. Слуду можно взять со старой коробки отъ папиросъ или сигаръ, или

истребить одинъ изъ елочныхъ фонариковъ; но еще проще, купить слюды въ аптекарскомъ магазинѣ на 10 коп. Слюда состоитъ изъ отдѣльныхъ слоевъ, которые легко другъ отъ друга отдѣляются,—поэтому можно всегда получить пластинку любой толщины. Для нашей цѣли нужна толщина открытаго письма. Фигура 4 выпиливается также изъ тонкой дощечки, лучше всего, орѣхового дерева; съ обоихъ концовъ ея просверливаются два небольшихъ отверстія: одно для иглы (рис. 6) другое для винтика, которымъ эта фигурка прикрѣпляется къ серединѣ пластинки (см. рис 7). Когда всѣ эти предварительныя работы закончены, можно приступить къ составленію мембраны. На кружокъ (рис. 2) кладется одно изъ деревянныхъ колецъ, затѣмъ колечко изъ фланели, на него кружокъ слюды, потомъ опять фланель и, наконецъ, снова деревянный кружокъ. Полученная такимъ образомъ „слоеная“ коробочка свинчивается небольшими винтиками или сколачивается гвоздиками (см. рис. 3). Въ нижнее отверстіе фиг. 4 вставляется обыкновенная граммофонная игла (стоитъ она, пустяки, 15 коп. 1000 иглъ)—и мембрана готова.

Если у кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ есть граммофонъ, вы можете пока провѣрить свою работу.—

Поставьте пластинку и приведите аппаратъ въ дѣйствіе, снявъ предварительно мембрану и рупоръ.

Когда вы прикоснетесь къ вращающейся пластинкѣ иглой вашей коробочки, вы услышите хотя и тихіе, но вполне раздѣльные звуки пѣсни или разговора.

Половина работы, стало быть, сдѣлана; нужно только усилить полученные звуки и устроить приспособленіе для вращенія граммофонной пластинки. Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

Н. Якубовскій.

На собачьей выставкѣ.

Незабудка сидѣла на голубой бархатной подушкѣ и злилась.

Положимъ, Незабудка была вообще очень обидчива и постоянно злилась; но сегодня оскорбленія, которымъ ее подвергали, перешли всякія границы. Во-первыхъ, было страшно холодно, а нѣжная шерстка Незабудки не могла защитить ее отъ холода. Она была страшно оскорблена: Бижу, которая и больше ее и сильнѣе, и та была покрыта, а Незабудку не одѣвали. Она лежала, уткнувъ мордочку въ лапки, и изъ подъ мохнатой бѣлой шерсти злобно горѣли ея большіе, черные какъ вишенки, глазки.

— Незабудка! Незабудка!—тормошила ее эта противная Агаша, горничная, которая привезла ее въ большомъ платкѣ сюда, на эту противную выставку.—Незабудка не любитъ Агашу, потому что она иногда, когда нѣтъ хозяйки, бьетъ Незабудочку.

— Ни за что не встану, ни за что!—проворчала Незабудка, и даже не пошевелилась, а только зарычала.

— Неужели это собака?—услышала вдругъ Незабудка, и кто-то засмѣялся рядомъ съ ней.

— Это особая порода болонокъ,—говорила противная Агаша;—она уже большая, ей скоро два года. И знаете: она злая, презлая. Троньте,—непремѣнно укусить.

Нѣсколько рукъ протянулось къ Незабудкѣ. Ее мяли, трогали, но она стиснула зубы и только изрѣдка свирѣпо ычала.

— Тоже, вѣдь, думаетъ, что она собака, — смѣялись вокругъ. — На ладони усядется.

— Попробуйте только, — злилась Незабудка, — я вамъ покажу. Пѣтъ, я еще имъ не собака! Я собака, собака! — вдругъ вскочила Незабудка и залаяла громко, громко изо всѣхъ силъ.

Всѣ еще больше разсмѣялись.

Обиженная Незабудка опять утонулась въ подушку.

— Я самая несчастная собака въ мірѣ, — плакала она. Она была голодна и дрожала отъ холода. Въмѣсто тепленькаго молока, которое она пила по утрамъ, сегодня эта противная Агаша дала ей такую гадость, что Незабудка даже могла рѣшиться лизнуть блюдечко.

Никогда, никогда не приходилось такъ страдать бѣдной Незабудкѣ!

Прямо противъ нея лежалъ громадный черный водолазъ Джекъ. Незабудка хорошо знала Джека. Онъ жилъ въ ихъ же домѣ и иногда приходилъ въ комнату къ Незабудкѣ. Онъ какъ-то шумно валился со всѣхъ четырехъ лапъ на полъ. Незабудка вылезала изъ своей корзиночки, ложилась на пушистый хвостъ и съ восторгомъ слушала рассказы Джека.

— Джекъ, — вдругъ пискнула она, — скажи мнѣ, что это съ нами дѣлаютъ?

— Глупая ты, Незабудка, — пробормоталъ Джекъ и даже отвернулся.

— Чѣмъ я глупая? — обидѣлась Незабудка.

— Я ужъ тебѣ говорилъ, что мы на собачьей выставкѣ. Видишь, люди ходятъ и смотрятъ на насъ. Я уже во второй разъ здѣсь. Прямо бѣда: и скучно и жарко!

— Если ты еще разъ скажешь, что здѣсь жарко, я, и.. —злбно завизжала тоненькая, вѣчно дрожащая левретка.

— Вотъ тоже глупая! Ну, что же ты сдѣлаешь? Сидишь на цѣпи на столѣ, а я на цѣпи подѣ столомъ. Ну, что ты сдѣлаешь?

Левретка замолчала.

— Эхъ, господа,—продолжалъ Джекъ,—глупы вы всѣ, я посмотрю. Вообще, всѣ маленькія собачки глупыя и забіяки.

— Будьте любезны, милостивый государь, не дѣлать обобщеній!—воскликнулъ, вскакивая на свои стальные ножки, изящный фоксъ-террьеръ.—Если бы вамъ пришлось испытать десятую долю того, что перенесъ я...

— Воображаю. Второй мы день здѣсь, и второй день ты хвалишься безъ умолку.

— Если вамъ не угодно...—обидѣлся онъ.

— Разсказывай, разсказывай!—закричали со всѣхъ сторонъ скупающія собаки. Даже обиженная Незабудочка встрепенулась и забыла и про холодъ, и про кислое молоко.

Собаки страшно сучали на выставкѣ. Вотъ уже второй день сидѣли онѣ на цѣпи въ крошечныхъ конурахъ, гдѣ большой песъ едва могъ повернуться. Правда, съ ними гуляли, но слишкомъ мало, и опять только на цѣпи. А главное, ихъ раздражали люди, которые ходили мимо и смотрѣли ихъ, и трогали, и всячески беспокоили. Поэтому они были такъ рады предложенію фокса.

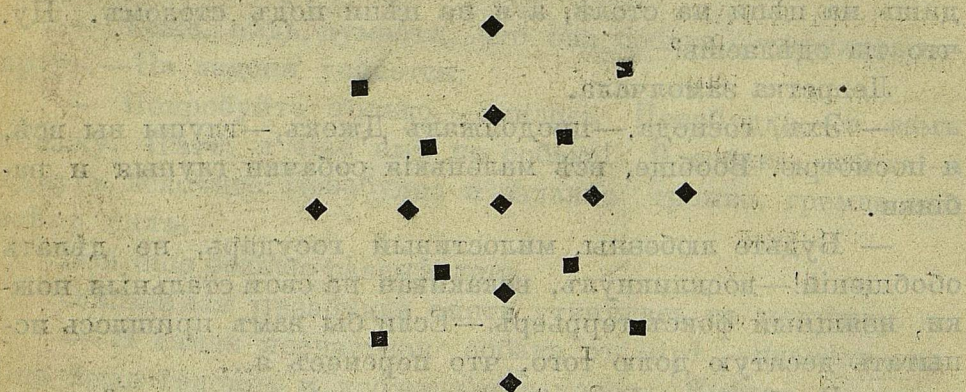
Извѣстно, что собаки разговариваютъ между собой настолько тихо, что человѣкъ никакъ не можетъ уловить ихъ словъ, и поэтому вся публика на выставкѣ продолжала спокойно гулять, не подозрѣвая даже, что собаки ведутъ между собою самую оживленную бесѣду.

Продолженіе будетъ.

Ну-ка разгадайте!

Загадка буквъ.

а а а а а а а ш ш ш ш ш ш ш л

Вышеуказанныя буквы разставить на мѣстахъ точекъ приложенной фигуры такимъ образомъ, чтобы по діагоналямъ во всѣхъ направленіяхъ, и по всѣмъ угламъ, образуемымъ радіусами, можно было читать одно и то же слово.

ЗАГАДКА.

Я служу, и служба эта людямъ дорога,
Иной же разъ для нихъ я разрушитель;
Былъ нѣкогда я небожитель,
Теперь я житель очага.
Кто-жь я? — читатель, догадайся,
Но брать рукой остерегайся.

ШАРАДА.

Предлогъ съ несчастіемъ стоять
И вмѣстѣ счастье составляютъ; —
Догадкой кто богатъ,
Пусть тотъ и отгадаетъ.

Содержаніе: Стихотвореніе, Вѣка—Эльде. Волшебныя бусы; Земля до человѣка. Между дѣломъ; Н. Якубовскій. На собачьей выставкѣ; Ну-ка разгадайте. Объявленія.

Москва, Тип. Филатова. Срѣтенка Колок. пер. д. Малушина.

Редакторъ-издатель Н. И. Фиделли.

СТРАДАЮЩИМЪ
ХОЛОДНЫМИ НОГАМИ

ОХОТНИМЪ

НАѢЗДИКАМЪ

Лыжникамъ и

Молокровнымъ,

Необходимо носить

наколѣнники

„ГРѢЙ!“

на шерстяномъ пуху

самоогрѣвающие,

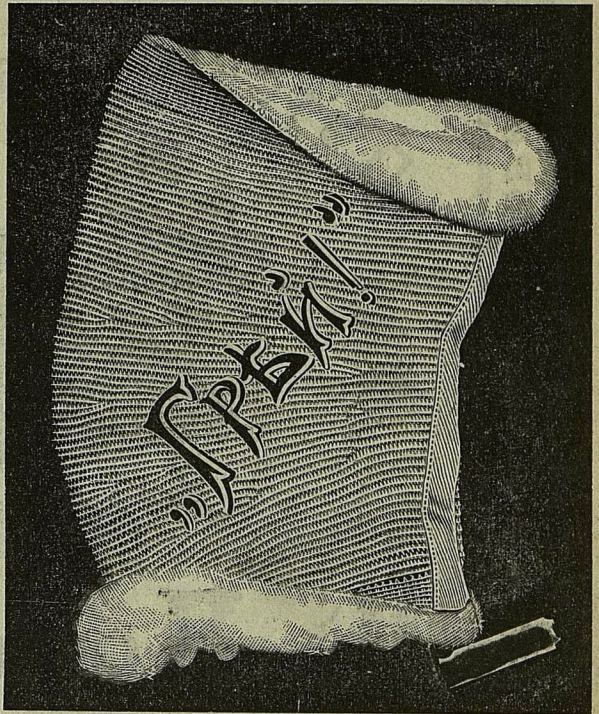
Не сползающіе.

ЦѢНА

за пару

смотря по размѣру ноги.

35	Сантиметровъ	4	р.	50	к.
38	"	5	"	—	"
40	"	5	"	50	"
42	"	6	"	—	"
Болѣе 42	сантиметр.	6	"	50	"

Бандажистъ Г. ШВАРЦЕ. Москва, Маросейка. 15. Тел. 90-20.

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ
Москва, Н. Багчанная, д. 14.

для
страда-
ющихъ

ЗАИКАНИЕМЪ

При лѣчебницѣ ПАНИОНЬ. — ПЛАТА ПО ИЗЛѢ-
ЧЕНИИ. — Условія лѣченія высыл. бесплатно.

ТИПОГРАФІЯ И ПЕРЕПЛЕТНАЯ

Ф. И. Филатова.

Москва, Срѣтенка, Колокольный пер., д. 26.

Пріемъ заказовъ: на разнаго рода типограф.
работы, конторскія книги и приним. переп.
леть журналы и книги

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ.

Дѣтскіе Наряды

М. Поповъ.

(БЫВШ. РУСАНОВЪ и ПОПОВЪ).

МОСКВА, Кузнецкій пер., (Мостъ) № 4.

Иллюстрированный Прейсъ-Курантъ
высылаю бесплатно.

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 г.

(4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ для дѣтей 9—12-лѣтняго возраста.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Большая золотая медаль на выст. въ Марсели 1908 г.

— Похвальный листъ на выст. Искусство въ жизни ребенка. С.-Петербургъ 1908 г. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЬ.

24 книжки журнала, содержащихъ по 32—48 страницъ богато иллюстрированн. текста.

24 книжки приложеній.

3

рубля
въ
годъ
съ дост.
и перс.

на $\frac{1}{2}$ года—1 р. 50 к.,—на 3 мѣс.—75 к.,

Москва, Малая Лубянка, № 20, телефонъ № 15-03.

Редакторъ-Издатель Н. М. Фиделли.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

1. Лица, адресующіеся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ для отвѣта 7-ми копеечную марку или открытое письмо.
2. Заявленія о неполученіи номера адресуется непосредственно въ редакцію и не позднее полученія слѣдующаго №.
3. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ адреса уплачивается 30 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.
4. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.
5. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи. Рукописи меньше одного листа уничтожаются.